

91 (09)

A-62

Амундсен, Р

№ 6126

К Северному магнитному
полюсу и через Северо-
Западный проход.

(Из журн. Изв. Русс. Геогр. Об-ва
стр 181-213) 1907 г.

СПБ.

Изд. И. Р. Геогр. Об-ва

1907 г.

(Из журн. "Изв. Русс. Геог. Об-ва"
1907 г. стр. 181-213.)

91 (98)

A-62

Къ Сѣверному магнитному полюсу и черезъ
Сѣверо-Западный проходъ.

Докладъ, читанный въ И. Р. Г. О. 8 мая 1907 г.

Капитана Амундсена.

Сэру Джону Франклину (Sir John Franklin) принадлежит честь открытія С.-З. прохода, а адмиралу сэру Роберту Макъ-Клюру (Sir Robert M. Clure) — честь перваго прохожденія по нему, которое онъ совершилъ частью на своемъ суднѣ Инвестигаторъ, частью пѣшкомъ. Опираясь на блестящіе труды и богатый запасъ опыта, положенные въ основаніе англійскими мореплавателями, я шелъ по слѣдамъ сэра Джемса Росса, доктора Джона Ре, адмирала сэра Леопольда Макъ-Клинтока, сэра Аллена Юнга (Sir James Ross, D-r John Rae Sir Leopold M'Clintock, Sir Allen Young) и многихъ другихъ, прокладывая свой путь на Gjöa въ страну С. магнитнаго полюса и пройдя на томъ же суднѣ весь С.-З. проходъ. Если этотъ послѣдній путь и не былъ никѣмъ до меня пройденъ цѣликомъ, то я съ удовольствіемъ лишь раздѣляю честь, выпавшую на мою долю съ тѣми храбрыми англійскими моряками, которымъ здѣсь, какъ и въ большинствѣ частей свѣта, принадлежитъ починъ его открытія.

Экспедиція на Gjöa была обязана норвежскому посланнику въ Англіи доктору Фритіофу Нансену — его богатому опыту и неоцѣненнымъ совѣтамъ — всѣмъ тѣмъ, чѣмъ она была, а именно прекрасно задуманной и превосходно снаряженной. Чтобы не утомить слушателей я лишь вкратцѣ сообщу о событіяхъ, предшествовавшихъ самому отплытію.

Цена 1 руб.
цена 30к

СПБ.

1907 г.

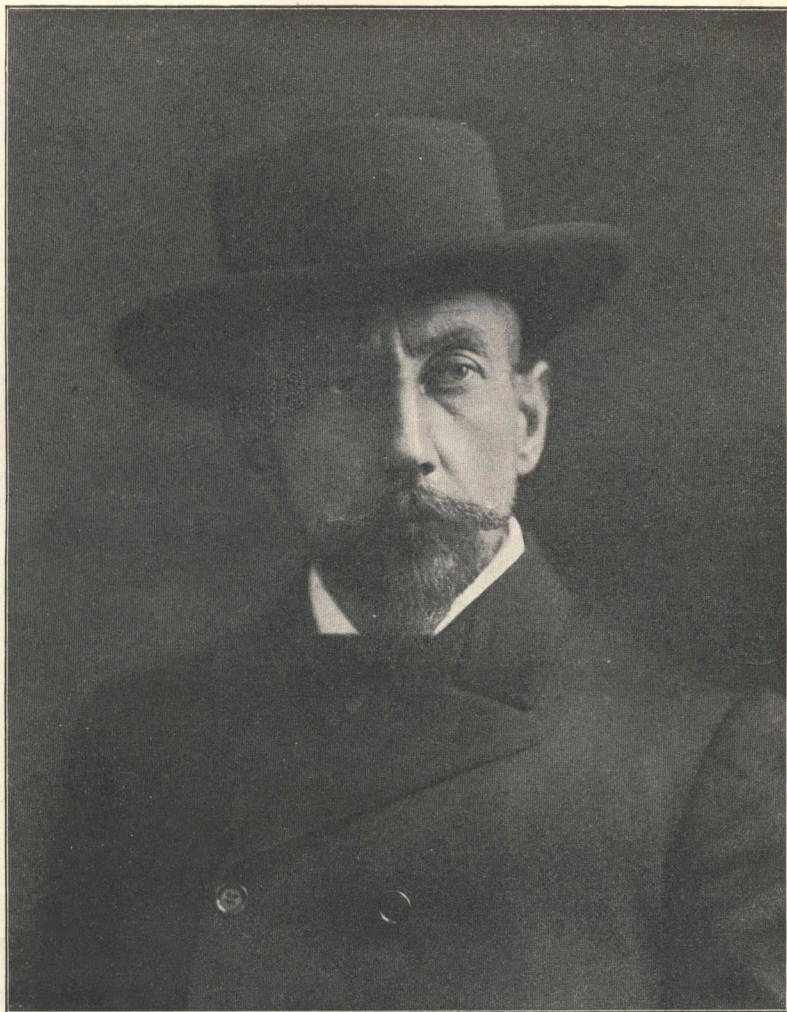
Докладъ о снаряжавшейся на Gjöa экспедиціи я имѣлъ честь сдѣлать 25 ноября 1901 г. въ Норвежскомъ Географическомъ Обществѣ. Суть доклада въ общихъ чертахъ: съ небольшимъ судномъ и немногочисленнымъ экипажемъ проникнуть въ страны, прилежающія къ С. магнитному полюсу, и путемъ ряда точныхъ наблюденій въ теченіе двухлѣтнаго промежутка времени исправить на картѣ положеніе С. магнитнаго полюса, приблизительно мѣсто опредѣленное сэромъ Джемсомъ Россомъ въ 1831 г., а также произвести изысканія въ мѣстности, непосредственно прилегающей къ полюсу.

Сверхъ того, въ зависимости отъ состоянія льдовъ далѣе на западъ, я намѣревался попытаться пройти черезъ весь С.-З. проходъ, что въ теченіе многихъ вѣковъ еще не увѣнчалось успѣхомъ. Я выбралъ для этой экспедиціи небольшое судно въ виду того, что зунды этихъ странъ узки, мелки и обыкновенно забиты льдомъ. Малочисленный составъ экспедиціи, независимо отъ размѣровъ судна, обусловливался еще и тѣмъ соображеніемъ, что, въ случаѣ гибели судна, большой партіи несравненно труднѣе изыскивать себѣ средства къ существованію.

Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ о моемъ предпріятіи, такъ сразу возбудился интересъ къ нему въ очень широкихъ кругахъ и многіе состоятельные люди пришли навстрѣчу своими пожертвованіями. Слишкомъ долго было бы перечислять всѣхъ лицъ, оказавшихъ матеріальную помощь; не могу не вспомнить здѣсь съ почтительной благодарностью имени Ихъ Величествъ короля Гакона и короля Оскара II.

Судно экспедиціи было построено въ Хардангерѣ въ 1872 г. и оно было моимъ единственнымъ сверстникомъ въ этомъ плаваніи. Первоначально оно обслуживало сельдяные промыслы вдоль Норвежскаго берега; позднѣе было продано въ Тромсѣ, а затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ служило для надобностей арктической торговли тюленями. Оно выдержало много штормовъ, причемъ не обходилось и безъ аварій. Купивъ его для своихъ цѣлей, я установилъ на немъ небольшой керосиновый двигатель въ 39 индикаторныхъ силъ для плаванія въ тихую погоду. Для защиты отъ льдовъ я обшилъ его до самаго кила, тогда какъ прежде лишь нѣсколько досокъ покрывали его ниже ватеръ-линіи. Толстые поперечные бимсы были мною вставлены въ гнѣзда и основательно приклепаны

„ИЗВѢСТІЯ“ И. Р. Г. О. 1907 г.
т. XLIII (къ статъѣ Р. Амундсена: „Къ сѣв.
магнитн. полюсу и черезъ сѣв.-зап. проходъ“).

Paul Amundsen

къ палубѣ и шпангоутамъ; а старыя пеньковыя снасти замѣнены проволочными.

Своихъ товарищей я набиралъ постепенно. На первомъ мѣстѣ я долженъ упомянуть имя того человѣка, который ради этой экспедиціи пожертвовалъ своей жизнью; имя его Густавъ Джуель Вийкъ (Gustav Juel Wiik). Онъ родился въ 1878 г. въ Гортенѣ (Horten) и такимъ образомъ прожилъ съ небольшимъ 27 лѣтъ. Не задолго до ухода экспедиціи онъ вернулся изъ Потсдамской магнитной обсерваторіи, гдѣ въ теченіе 6-недѣльной практики онъ освоился въ обращеніи съ самопишущими магнитными приборами, въ чемъ получены были имъ отличнѣйшіе аттестаты. Я неоднократно въ теченіе нашей 3-лѣтней совмѣстной работы имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что отзывы эти не были преувеличенными; добытыми магнитными данными я прежде всего обязанъ неустанному и тщательному труду этого молодого человѣка. Исполняя работы по метеорологіи въ качествѣ ближайшаго помощника, онъ сверхъ того состоялъ у насъ вторымъ механикомъ.

Помощникомъ моимъ былъ лейтенантъ датскаго флота Годфريدъ Гансенъ (Godfred Hansen), родившійся въ Копенгагенѣ въ 1875 г. Его благодушный нравъ для насъ былъ прямо неоцѣнимъ и въ теченіе нашего болѣе 3-лѣтняго совмѣстнаго жительства въ маленькой каютѣ размѣрами въ 6×9 футъ, я все болѣе и болѣе къ нему привязывался. Передъ тѣмъ, какъ мы покидали Норвегію, намъ предсказывали, что не пройдетъ и года, какъ мы однимъ своимъ видомъ станемъ другъ другу ненавистны; однако этому пророчеству не суждено было оправдаться и я склоненъ думать, что мы выдержали бы и еще цѣлое трехлѣтіе. Онъ былъ нашимъ штурманомъ, астрономомъ, геологомъ, врачомъ, фотографомъ, электротехникомъ и специалистомъ по части взрывчатыхъ веществъ. Онъ также игралъ не послѣднюю роль въ метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденіяхъ.

Сержантъ Педеръ Ристведтъ (Peder Ristvedt) родился въ Сандсвѣрѣ (Sandsvär) въ 1873 г. Исполняя обязанности старшаго механика, онъ кромѣ того былъ нашимъ метеорологомъ, кузнецомъ, портнымъ, слесаремъ, ружейнымъ мастеромъ и т. д. Я Ристведта зналъ раньше; онъ былъ моимъ помощникомъ въ первой моей экспедиціи на Gjöa въ 1901 г. Поэтому я очень хорошо зналъ, что дѣлалъ, завербовывая этого

въ высшей степени способнаго и пріятнаго члена экспедиціи.

Антонъ Лундъ (Anton Lund) былъ старшимъ штурманомъ. Онъ родился въ Тромсѣ въ 1864 г. и такимъ образомъ былъ старшимъ изъ насъ по возрасту. Съ ранней юности онъ пускался на нашихъ Норвежскихъ шлюпкахъ въ Арктическія воды и потому обладалъ большимъ опытомъ, въ опредѣленіи состоянія льдовъ и плаваніи между ними. Гелмеръ Гансенъ (Helmer Hansen) родился на Вестераальскихъ островахъ въ 1870 г. Онъ прежде былъ крестьяниномъ и рыбакомъ и лоцманомъ въ Арктическихъ водахъ. Ему были ввѣрены обязанности младшаго штурмана и, чтобы онъ ни дѣлалъ, онъ проявлялъ во всемъ большую внимательность и заботливость. Послѣдній по счету—поваръ Адольфъ-Генрикъ Линдстрёмъ (Adolf Henrik Lindström) родился въ 1865 г. въ Гаммерфестѣ. Онъ принималъ участіе въ экспедиціи Свердрупъ на Фрамъ и имѣлъ такимъ образомъ богатую опытность арктическаго повара. Угощая насъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ прекрасными обѣдами, всегда во время поданными, Линдстрёмъ сверхъ того занялъ вакантныя обязанности ботаника и зоолога. Какъ только заканчивались его обязанности по кухнѣ, его навѣрное можно было увидѣть на берегу въ лѣтніе арктическіе вечера съ ящикомъ для гербарія, дробовикомъ и сачкомъ для бабочекъ, и горе тому цвѣтку, птицѣ или насѣкомому, которое попадалось ему на пути. Представивъ такимъ образомъ характеристику своихъ товарищей, я увѣренъ, что всякій теперь пойметъ причину успѣха, выпавшаго на долю нашей экспедиціи.

Въ полночь съ 16 на 17-е іюня 1903 г. мы тронулись въ путь и Gjøa на буксирѣ пошла по фіорду Христіаніи. Лило, какъ изъ ведра и ни зги не было видно. Нѣкоторые изъ моихъ друзей старались меня утѣшить, вспоминая что Нансенъ отправился въ свою экспедицію 1893 года точно въ такую же погоду, что должно было для насъ служить хорошимъ предзнаменованіемъ. Однако я никогда не придавалъ вѣры примѣтамъ и потому, не взирая на всѣ эти пріятныя рѣчи, я чувствовалъ себя очень не важно въ насквозь промокшемъ платьѣ. Въ 6 часовъ утра мы вошли въ Гортенскую (Horten) гавань, гдѣ погрузили свои взрывчатые матеріалы. Въ 11 ч. утра мы отдали буксирный перлень и такимъ образомъ была порвана послѣдняя связь съ родиной,

а Gjöa была предоставлена собственной своей участи. Мы находились как разъ за маякомъ Фердери (Färder). Привѣтствовавъ насъ, какъ полагается въ подобныхъ случаяхъ, буксиръ пошелъ опять въ фіордъ, а Гойя собственными силами стала прокладывать свой путь при слабомъ противномъ южномъ вѣтрѣ. Путь черезъ Атлантическій океанъ совершался несмѣтное число разъ и не представляетъ особаго интереса. Многие, правда, были увѣрены, что этотъ океанъ будетъ мѣстомъ нашего послѣдняго упокоенія; но вопреки многочисленнымъ предсказаніямъ и предостереженіямъ наша маленькая Гойя спокойно и плавно прокладывала впередъ свой путь, не возбуждая въ насъ ни малѣйшихъ опасеній. Какъ чудно было вырваться въ открытый океанъ изъ душныхъ, узкихъ улицъ. И не только мы, но и собачки наши одинаково съ нами наслаждались. Я долженъ пояснить, что нами было взято съ собой 6 собакъ, участниковъ экспедиціи Свердрупъ; онѣ казались очень довольными своей судьбой, бѣгая повсюду и проказничая, насколько это только было возможно. Ихъ настроеніе въ особенности было повышено въ свѣжую погоду такъ какъ ихъ обыкновенно незатѣйливая ѣда (вяленая рыба и кварта воды) разнообразилась вкусными мясными порціями, отъ которыхъ отказывались мои страдавшіе морскою болѣзнью товарищи.

9 іюля мы увидали первые льды въ окрестностяхъ мыса Фэрвель (Cape-Farewell), южной оконечности Гренландіи; а 11-го обозначился и самый материкъ. Вѣтеръ, не слишкомъ намъ благопріятствовавшій до сихъ поръ, не измѣнился къ лучшему и все наше плаваніе вверхъ по западному берегу Гренландіи было почти сплошной борьбой съ постоянно дувшимъ сѣвернымъ вѣтромъ. Мы должны были утѣшать себя поговоркой, что плохъ лишь тотъ вѣтеръ, который никому не приноситъ ничего хорошаго. Хотя противный намъ сѣверный вѣтеръ замедлялъ наше движеніе, но онъ зато все-таки гналъ къ югу льды и тѣмъ расчищалъ намъ путь.

Въ виду льдовъ, однообразный до того, путь нѣсколько оживился. Ледяныя горы всевозможныхъ очертаній, скользя мимо насъ, очаровывали наши взоры. По временамъ мы совершали экскурсіи въ пловучій ледъ и стрѣляли чудныхъ, большихъ тупорылыхъ тюленей, которые попадались намъ на болѣе высокихъ льдинахъ. Люди, равно какъ и собаки давно

жаждали свѣжаго мяса; мясо этихъ животныхъ внесло пріятное разнообразіе и въ наше меню.

24 іюля показался вдали островъ Диско (Disco), и на слѣдующій день мы отдали якорь въ Годхавнъ (Godhavn), куда Королевская Датская Гренландская Торговая Компанія услужливо доставила намъ на своихъ корабляхъ часть нашихъ запасовъ. Здѣсь мы провели 5 дней, пользуясь любезнымъ гостепріимствомъ инспектора и губернатора колоніи. Сдѣлавъ рядъ магнитныхъ и астрономическихъ наблюдений и погрузивъ всѣ наши вещи, мы 31 іюля тронулись въ путь.

8 августа мы достигли острова Холмъ (Holm island), обозначающій собой начало опаснѣйшаго залива Мельвилъ (Melville bay). Сплошная масса льда оказалась однако въ трещинахъ. И мы, лавируя взадъ и впередъ вдоль его края, выжидали случая войти въ него. Наконецъ, 10 августа онъ настолько распатался, что намъ удалось въ него проскочить. Окутанные густымъ туманомъ, мы подвигались извилистымъ, но вполне проходимымъ русломъ; по временамъ обрисовывались сквозь туманъ ледяныя горы, въ-время предостерегавшія насъ о себѣ яркимъ своимъ блескомъ. 13 августа въ 2¹/₂ ч. утра мы избавились отъ тумана, и „Гойя“ (Gjøa) спокойно и плавно стала выплывать изъ густыхъ массъ, окутывавшихъ насъ, какъ кошмаръ, въ теченіе нѣсколькихъ дней. Мы словно попали въ иной міръ. Передъ нами открылся чудный видъ, освѣщенный яркими лучами заходящаго солнца. На востокъ былъ виденъ входъ въ заливъ Мельвилъ, затертый непроходимымъ льдомъ; на сѣверѣ раскинулся чудный горный пейзажъ съ мысомъ Іоркъ (Care York) посрединѣ, весь залитый лучами солнца и словно манящій насъ къ себѣ; впечатлѣніе было подавляющее; впереди огромныя глыбы плавающего льда блестѣли своими синими и свѣтлыми тонами. Съ клотика немного было видно воды, но многого намъ и не требовалось. 15 августа мы достигли Далримпльской скалы (Dalrymple rock), гдѣ двумя шотландскими капитанами Мильномъ и Адамсомъ (Milne & Adams) намъ было оставлено довольно много запасовъ. Здѣсь мы встрѣтились съ Датской Литературной Гренландской Экспедиціей, съ членами которой провели нѣсколько пріятныхъ и оживленныхъ часовъ. 17 августа мы продолжали свой путь, пересѣкая Баффиновъ заливъ въ виду острововъ Карей (Carey islands). Къ счастью для

насть погода была тихая, иначе, при большой нагрузкѣ судна, штормъ могъ бы причинить намъ неисчислимыя бѣды. Грузъ нашъ вздымался на палубѣ высокой грудой, поверхъ которой расположились 18 собакъ, большею частью взятыхъ нами въ Годхавнѣ. Для своего время препровожденія онѣ раздѣлились на два лагеря и по временамъ совершали набѣги на непріятельскую территорію. Лишнимъ будетъ добавлять, что эта забава не очень-то приходилась по вкусу вахтенному и не одно крѣпкое слово срывалось съ его устъ. 20 августа мы были въ Ланкастерскомъ зундѣ; нѣсколько ледяныхъ горъ, скопившихся вокругъ мыса Горсбургъ (Cape Horsburgh) и нѣкоторое количество пловучаго льда протянулось поперекъ залива. Мы держались сѣвернаго берега пролива. Земля производила унылое впечатлѣніе; не было видно никакой растительности, а горы были высоки, съ плоскими вершинами. Впрочемъ не очень-то много мы видѣли земли изъ-за большей частью густого тумана.

22 августа мы достигли острова Бичи (Beechey island), гдѣ я счелъ нужнымъ остановиться для производства магнитныхъ наблюденій, дабы опредѣлить дальнѣйшее направленіе нашего пути. Передъ отправленіемъ нашей экспедиціи нѣсколько лицъ, болѣе интересующихся и свѣдущихъ въ вопросахъ земного магнетизма, писали мнѣ, что при помощи очень хитраго способа (какого они мнѣ не сообщали) они достоверно узнали, что магнитный полюсъ передвинулся (со скоростью не знаю сколькихъ миль въ теченіе года) въ С.-З. направленіи и теперь находится на землѣ Принца Патрика. Впрочемъ съ тѣми свѣдѣніями, какими они обладали, они съ такимъ же успѣхомъ могли его отыскать на лунѣ.

Островъ Бичи производитъ унылое впечатлѣніе; особенно печально смотреть развалины дома, построеннаго Британскимъ правительствомъ для спасенія экспедиціи Франклина. Пять тутъ же находящихся могилъ не содѣйствуютъ поднятію настроенія. Только памятникъ, воздвигнутый сэру Джону Франклину его женой—красивая мраморная доска—нѣсколько скрашиваетъ общее впечатлѣніе.

Магнитныя наблюденія указали намъ полюсъ въ южномъ направленіи, вслѣдствіе чего на этотъ разъ земля Принца Патрика была оставлена въ покоѣ. Мы оставили островъ Бичи 24-го и проложили свой путь къ зунду Пиль (Peel

sound), войдя въ него среди густого тумана. Ледъ всюду былъ вполне удобопроходимъ; попадались лишь случайныя теченія, которыя намъ впрочемъ нимало не препятствовали. Около острова Прескота компасъ, уже нѣкоторое время передъ тѣмъ дѣйствовавшій весьма вяло, окончательно отказался что-либо показывать; и мы съ одинаковымъ успѣхомъ могли бы вооружиться палкой для прокладыванія дальнѣйшаго пути. Плаваніе при этихъ условіяхъ было для насъ дѣломъ совершенно непривычнымъ, и при смѣнѣ вахты среди вѣчно густого тумана можно было иногда подслушать очень странныя замѣчанія— „Куда вы держите?“ Слышится сердитый, спрессонный голосъ новаго вахтеннаго. „Держу на югъ, но не могу поручиться, что мы не идемъ на сѣверъ“; и въ то время какъ онъ передаетъ другому руль, слышится его голосъ: „Держи такъ“. Такимъ образомъ въ 2 часа ночи, только что покинувъ уютную теплую койку и попавъ въ сплошной непроницаемый туманъ вамъ предлагаютъ держаться курса. Конечно, все это крайне забавно; но привычка удивительная вещь. Вскорѣ, освоившись съ этимъ новымъ способомъ плаванія, мы стали подвигаться впередъ. 28 августа мы прошли то мѣсто, гдѣ сэръ Алленъ Юнгъ былъ остановленъ на своемъ суднѣ Пандора непроходимыми льдами. Позднѣе днемъ мы прошли мимо западнаго входа въ проливъ Беллотъ (Bellot strait), гдѣ тщетно пытался пробиться сэръ Леопольдъ Макъ-Клинтонъ. Теперь начался нашъ путь вдоль западнаго берега Боотіи Феликсъ (Bootia Felix)—путь не разъ становившійся для насъ зловѣщимъ. Ледъ намъ особенно не препятствовалъ. Держась подлѣ берега, мы имѣли достаточно свободнаго отъ льда пространства, чтобы идти безпрепятственно впередъ, но истиннымъ бичемъ нашимъ были мели, постоянный туманъ и темныя ночи. 31 августа мы въ первый разъ сѣли на мель. Погода была, впрочемъ, тихая и мы отдѣлались благополучно. Вечеромъ мы отдали якорь у низкаго острова, чтобы переждать темноту, такъ какъ я больше не рѣшался идти по ночамъ, такъ онѣ становились темны, и столько попадалось на пути банокъ. Какимъ невозмутимо тихимъ казался этотъ вечеръ. Наступившая ночь насъ окутала непроницаемой тьмой и что довершало поэзію всей обстановки—я откровенно признаюсь въ томъ и безъ малѣйшаго стыда—это то, что мы не имѣли ни малѣйшаго представленія о томъ, гдѣ мы нахо-

димся! Мѣстность была нанесена на карту зимой, и многіе изъ маленькихъ островковъ, мимо которыхъ мы проходили, не были вовсе обозначены, такъ какъ занесенные снѣгомъ зимой дни совершенно не были видны.

Было такъ мирно, тихо и спокойно. Мы всѣ разошлись, оставивъ на вахтѣ одного изъ механиковъ, которому подошла очередь. Я только-что досталъ журналъ, чтобы занести все случившееся за день, какъ вдругъ былъ внезапно прерванъ въ своемъ занятіи крикомъ „пожаръ“. Я зналъ, что это означало для небольшого судна, нагруженного семью тысячами галлоновъ керосина, очень большимъ количествомъ пороха и взрывчатыхъ веществъ и сверхъ того корпусъ котораго былъ весь осмоленъ. Въ одинъ мигъ мы всѣ были на палубѣ. Первое, что бросилось намъ въ глаза, это былъ столбъ огня, вырывавшійся черезъ люкъ изъ машиннаго отдѣленія. Куда дѣвалось наше за минуту передъ тѣмъ безмятежное настроеніе! Механикъ, бывшій на вахтѣ, не оставилъ своего поста; тамъ внизу, задыхаясь отъ дыма, онъ храбро боролся съ огнемъ, который возникъ отъ воспламенившейся ваты, пропитанной керосиномъ. Это былъ Війкъ. Общими усилями намъ удалось затупить пожаръ, который намъ не причинилъ особаго вреда.

Вечеромъ того же дня мы подошли къ небольшому островку и тамъ отдали якорь. По соображеніямъ нашимъ онъ долженъ былъ быть однимъ изъ тѣхъ маленькихъ острововъ, которые расположены къ С. отъ острова Мальти (Malty). Дулъ сильный вѣтеръ и надвигалась ночь. На другой день въ 4 ч. утра мы подняли якорь и продолжали нашъ путь. Утро было прекрасное, было довольно ясно и дулъ восточный вѣтерокъ. Я былъ у руля, а два моихъ товарища ставили паруса. Вдругъ мы почувствовали толчекъ, вслѣдъ затѣмъ второй и третій. Всѣ наши усиія сняться съ мели были тщетны и мы простояли такимъ образомъ 30 часовъ. Сильный вѣтеръ, который подулъ съ сѣвера, пришелъ намъ на помощь и Gjöa подъ всѣми парусами сошла, при дружномъ усилии съ нашей стороны, съ банки, длиною въ 200 ярдовъ и вошла въ относительно глубокое мѣсто. Мы потеряли только фальшъ-киль; но и по сейчасъ я не перестаю удивляться, какимъ образомъ Gjöa, это произведеніе рукъ человеческихъ, могла выйти благополучно изъ этой передраги.

Въ теченіе этой вынужденной задержки мы окончательно выяснили мѣсто нашего нахожденія. Около полудня мы отдали якорь у мыса Христиана въ Боотіи Феликсъ съ тѣмъ, чтобы привести нѣсколько въ порядокъ. Вѣтеръ былъ слабый и дулъ съ берега.

Въ 11 ч. вечера онъ вдругъ переимѣнился на SO и сдѣлался очень свѣжимъ. Не могло быть и рѣчи пускаться въ путь въ темноту и при попадающихся на каждомъ шагу банкахъ. Оставалось одно—завести швартовы и выжидать. Вѣтеръ въ скоромъ времени превратился въ штормъ. Волна была короткая и высокая и она рвала наши стальные перленя. Наша пристань казалась теперь менѣе надежной, чѣмъ когда мы отдавали якорь, становясь подъ вѣтромъ. Всѣ мы были на палубѣ, работая изо всѣхъ силъ и мы ждали съ минуты на минуту, что насъ выброситъ на берегъ. У каждого было свое дѣло и къ роковому моменту каждый готовился быть на своемъ мѣстѣ. Керосиновый двигатель былъ въ полномъ ходу, а судно направлено по вѣтру въ сторону моря, каковыми мѣрами я надѣялся ослабить сильное натяженіе перленей. Мы отдали якорь въ полдень 3-го числа и только къ 4 ч. 8-го сентября вѣтеръ настолько спалъ, что возможно было тронуться дальше. Затѣмъ еще одна ночь, когда среди полного мрака насъ несло между скалъ и банокъ. И послѣ этого только все успокоилось. Трудно описать то чувство облегченія, при сознаніи полной безопасности, которое мы испытывали, когда 9 сентября въ 3½ ч. пополудни послѣ десяти дней непрерывной борьбы со стихіей мы отдали якорь при входѣ въ заливъ Петерсена (Petersen bay) на Землѣ Короля Вильгельма (King William Land). Доступный лишь чрезъ узкій проливъ, лежалъ предъ нами Гойяхавнъ (Gjøahavn) или заливъ Gjaa, которому суждено было быть мѣстомъ нашего двухлѣтняго пребыванія. Свѣжій вѣтеръ, который препятствовалъ намъ войти въ заливъ, только къ вечеру 12-го спалъ настолько, что далъ намъ возможность пристать къ берегу и отдать якорь. Пришлось порядкомъ поработать.

„Gjøahavn“—маленькая и замѣнутая бухта представляла изъ себя идеальную стоянку. Низменный песчаный берегъ, покрытый мхомъ, постепенно подымаясь со всѣхъ сторонъ до высоты 150 футовъ, образуетъ такимъ образомъ защищенную бухточку, гдѣ мы могли пребывать въ полной безопасности.

фот. 2. Весенній день на Землѣ Короля Вильгельма.

фот. 3. Пловучій ледъ около Земли Короля Вильгельма.

На другой день послѣ нашего прихода я на лодкѣ переправился съ нужными инструментами на берегъ, чтобы опредѣлить состояніе магнетизма въ этой мѣстности и, какъ это ни можетъ показаться страннымъ, но мы напали какъ разъ на то мѣсто, гдѣ по моимъ предположеніямъ мы съ наибольшимъ успѣхомъ могли бы установить магнитную станцію—въ 100 приблизительно морскихъ миляхъ отъ площади магнитнаго полюса. Послѣднія сомнѣнія наши исчезли; здѣсь, на этомъ мѣстѣ, намъ предстояло прожить въ теченіе двухъ лѣтъ. Теперь у насъ закипѣла работа. Мы прибичевали наше судно почти къ самому берегу, круто обрывающемуся къ морю; и при помощи леера, прикрѣпленнаго къ клотику, мы перетаскивали всѣ наши вещи на берегъ. Все было приведено въ порядокъ и построенный нами домикъ сверху покрытъ парусомъ.

Затѣмъ приступлено было къ соруженію обсерваторій, которыя стали расти, какъ грибы. Появилась станція для магнитныхъ наблюденій; потомъ помѣщеніе для ея завѣдывающаго и метеоролога; (оба сооруженія изъ ящиковъ отъ припасовъ); затѣмъ наполненный пескомъ возникъ домъ, предназначенный для абсолютныхъ магнитныхъ наблюденій: стѣны были выведены изъ снѣжныхъ глыбъ, а крыша состояла изъ тонкой прозрачной парусины. Наконецъ, мы выстроили астрономическую обсерваторію, названную нами Ураніенборгъ, также изъ снѣга съ парусиновой крышей. Кромѣ всѣхъ этихъ построекъ нами не мало было потрачено труда на то, чтобы убить до ста штукъ сѣверныхъ оленей — и такимъ образомъ запастись въ изобиліи провизіей на всю зиму для себя и своихъ собакъ. Ледъ сталъ 1 и 2 октября. Судно свое мы прикрыли зимнимъ тентомъ и все было наготовѣ встрѣтить наступающую зиму.

29 октября мы встрѣтились съ первыми эскимосами. Мы очень много ожидали отъ этой встрѣчи, о которой мы ежедневно говорили. Сэръ Джонъ-Россъ въ описаніи своего путешествія приводитъ слово „тейма“ какъ обычное привѣтствіе между бѣлыми и эскимосами; поэтому мы хорошо его запомнили въ надеждѣ пресѣчь имъ всякія воинственные намѣренія со стороны эскимосовъ. Первая встрѣча съ ними была нелѣпа до смѣшного и сохранилась особенно отчетливо въ нашей памяти. Съ двумя товарищами, вооруженными съ го-

ловы до пять, а именно Антономъ Лундомъ и Хелмеромъ Гансеномъ, я отправился на встрѣчу эскимосамъ, я впереди, въ 3-хъ шагахъ за мной мои 2 пріятели. Съ ружьями за плечами у нихъ было такое свирѣпое выраженіе лицъ, что попадись намъ тогда навстрѣчу не нѣсколько несчастныхъ, а настоящій воинскій отрядъ, онъ навѣрное пустился бы въ бѣгство. Шагъ и выправка моихъ людей были безукоризненны. Подойдя къ намъ на разстояніи около ста шаговъ, эскимосы остановились; то же сдѣлали и мы, желая проявить такое же знаніе стратегическаго искусства. Теперь, подумалъ я, наступилъ моментъ для умиротворенія враждующихъ сторонъ и крикнулъ, что было мочи: „тейма“. Повидимому, мой возгласъ не произвелъ на нихъ ни малѣйшаго впечатлѣнія и они, послѣ краткихъ между собой переговоровъ, возобновили свое наступленіе. Ихъ было пятеро; построивъ родъ боевой линіи, они приближались теперь къ намъ съ улыбающимися лицами, что-то бормоча. Двое изъ нихъ съ луками за плечами не были въ боевой готовности, а трое были вовсе безъ оружія. Мы съ своей стороны точно такъ же двинулись впередъ, крича все время: „тейма, тейма“; эскимосы намъ отвѣчали, но совсѣмъ другимъ словомъ, а именно: „маникъ-ту-ми“. Обѣ стороны теперь ускорили шаги, пока наконецъ не подошли другъ къ другу вплотную. Эскимосы стали насъ поглаживать и похлопывать спереди и сзади, крича изо всѣхъ силъ: „маникъ-ту-ми“. Мы, оставаясь вѣрными нашему первоначальному плану кампаніи, стали подражать нашимъ противникамъ, крича, хлопая и поглаживая ихъ, насколько хватало у насъ умѣнія.

Эти эскимосы были видные изъ себя мужчины, высокіе, статные и съ тонкимъ сложеніемъ; подходя къ типу краснокожихъ, они болѣе напоминали собой индѣйцевъ. Обыкновенно широкій и мясистый носъ эскимоса у нихъ былъ замѣненъ болѣе тонкимъ съ горбинкой, волосы у нихъ были коротко острижены, за исключеніемъ длинной бахромы, окаймлявшей нижнюю часть головы отъ виска до виска. Теперь мы направились къ своему судну, смѣясь всю дорогу. Эти эскимосы называли себя *эскимосами племени Оглули* (Ogluli Eskimo) и считали своими охотничьими владѣніями сѣверо-американскій берегъ отъ рѣки Бака на западъ до полуострова Аделаиды. Мы сошлись близко со многими изъ этого племени,

но лишь впоследствии, когда мы встрѣтились съ эскимосами „Нечжилли“ (Nechjilli Eskimo)—нашли мы своихъ неразрывныхъ союзниковъ.

2 ноября постоянная станція начала свои работы. Я стараюсь какъ можно меньше останавливаться на изложеніи теоріи земного магнетизма и нашихъ магнитныхъ приборовъ.

Сила и направленіе земного магнетизма различны въ каждой точкѣ земной поверхности. Кромѣ того мѣняются онѣ и въ одной и той же мѣстности; кромѣ равномерныхъ суточныхъ и годовыхъ колебаній, замѣчаются болѣе или менѣе рѣзкія возмущенія. Наконецъ происходятъ ежегодныя незначительныя перемѣщенія въ одномъ и томъ же направленіи въ теченіе долгаго ряда лѣтъ. Все это было установлено наблюденіями въ теченіе извѣстнаго періода времени и въ различныхъ точкахъ земной поверхности—собранными частью во время путешествій, частью на постоянныхъ станціяхъ. Тщательное изслѣдованіе матеріала добытаго наблюденіями привело знаменитаго нѣмецкаго математика и физика Гауса въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія къ составленію теоріи о послѣдовательности и измѣняемости явленій земного магнетизма въ извѣстный моментъ въ зависимости отъ географическаго положенія данной мѣстности. Такимъ образомъ явилась возможность составить 3 различныя карты, изъ которыхъ 2 показываютъ направленіе силы, а третья ея напряженность. Причина по которой понадобилось двѣ карты для обозначенія направленія понятна, такъ какъ оно дается по отношенію къ географическимъ линіямъ сѣвернаго и южнаго полушарія и въ масштабѣ, соотвѣтствующемъ горизонтальной проеekціи мѣстности. Направленіе силы земного магнетизма по отношенію къ меридіану мы наблюдаемъ при помощи компаса, стрѣлка котораго отклоняется нѣсколько, какъ намъ извѣстно, къ В или З отъ этой линіи; это расхожденіе стрѣлки съ географическимъ меридіаномъ мѣстности называется склоненіемъ. На картѣ магнитныхъ склоненій обозначены направленія магнитной стрѣлки на любой точкѣ земной поверхности. Эти линіи, которыя называются магнитными меридіанами, сходятся въ двухъ точкахъ—въ сѣверномъ магнитномъ полюсѣ на Арктическомъ берегу Сѣверной Америки и въ южномъ магнитномъ полюсѣ внутри Арктическаго материка.

Если установить магнитную стрѣлку такимъ образомъ,

чтобы она могла вращаться на оси проходящей черезъ центръ ея тяжести—стрѣлка сама собою займетъ наклонное положеніе, если плоскость вращенія совпадаетъ съ направлениемъ стрѣлки компаса. Подобнаго рода приборъ называется инclinаторомъ, а уголъ образуемый наклоненной стрѣлкой съ горизонтомъ — наклоненіемъ данной мѣстности. Въ нашихъ странахъ сѣверный конецъ магнитной стрѣлки наклоняется къ землѣ, тогда какъ въ Австраліи наоборотъ наклоняется южный конецъ. На сѣверномъ магнитномъ полюсѣ, стрѣлка приметъ вертикальное положеніе сѣвернымъ концомъ книзу; на южномъ магнитномъ полюсѣ наблюдается какъ разъ обратное явленіе. Такимъ образомъ уголъ наклоненія на обоихъ полюсахъ равняется 90° и онъ постепенно уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ нихъ. Въ цѣломъ рядѣ точекъ въ предѣлахъ тропической зоны уголъ наклоненія равенъ 0° ; иначе говоря стрѣлка принимаетъ горизонтальное положеніе и мысленная линія проведенная чрезъ всѣ эти точки называется магнитнымъ экваторомъ; онъ проходитъ частью сѣвернѣе, частью южнѣе географическаго экватора.

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что полное напряженіе силы земного магнетизма дѣйствуетъ по направленію наклоненія стрѣлки; отсюда вытекаетъ вопросъ, какъ велико это напряженіе въ различныхъ мѣстностяхъ? Для рѣшенія этой задачи надо представить себѣ эту силу разложенной на двѣ силы, одну дѣйствующую въ горизонтальномъ, другую въ вертикальномъ направленіяхъ. Ясно, что стрѣлку приводитъ въ устойчивое положеніе сила дѣйствующая въ горизонтальной плоскости, и если эта величина—такъ называемое горизонтальное напряженіе — намъ извѣстна и если мы знаемъ уголъ наклоненія, то простымъ вычисленіемъ опредѣлится и вся сила напряженія. Для опредѣленія горизонтальнаго напряженія существуетъ два способа, которыми пользуются или каждымъ въ отдѣльности или одновременно обоими съ цѣлью взаимнаго сличенія. Одинъ способъ состоитъ въ томъ, что возлѣ магнитной стрѣлки кладутъ кусокъ намагниченнаго желѣза; при чемъ наблюдаютъ за отклоненіемъ отъ этого послѣдняго магнитной стрѣлки. Ясно, чѣмъ слабѣе горизонтальное напряженіе, тѣмъ больше будетъ это отклоненіе и когда извѣстна магнитная сила бруска, то при извѣстныхъ данныхъ: угла отклоненія и разстоянія легко вычислить силу горизонтальнаго напряженія.

Другой способъ, это—отмѣчать время колебаній намагниченнаго бруска, подвѣшеннаго на ниткѣ такимъ образомъ, чтобы онъ могъ вращаться въ горизонтальной плоскости. Магнитъ, приведенный въ состояніе покоя подъ вліяніемъ горизонтальнаго напряженія, приметъ направленіе магнитной стрѣлки. Выведя его изъ равновѣсія легкимъ толчкомъ, онъ будетъ раскачиваться изъ стороны въ сторону и чѣмъ сильнѣе горизонтальное напряженіе, тѣмъ скорѣе онъ будетъ приведенъ въ состояніе покоя или говоря другими словами, тѣмъ короче будетъ время каждаго отдѣльнаго размаха. Когда извѣстна магнитная сила бруска и когда отмѣчено время каждаго отдѣльнаго размаха—можно вычислить силу горизонтальнаго напряженія.

Карты составляются въ такомъ смыслѣ, чтобы дать представленіе о горизонтальномъ напряженіи въ такъ называемыхъ электрическихъ единицахъ для различныхъ мѣстъ земнаго шара. Изогоны наглядно показываютъ мѣстности съ одинаковымъ напряженіемъ. Горизонтальное напряженіе уменьшается по мѣрѣ приближенія къ магнитному полюсу. Изъ этого слѣдуетъ, что здѣсь земной магнетизмъ, при углѣ наклоненія въ 90° , дѣйствуетъ всей своей силой по направленію отвѣса и потому въ плоскости горизонта совершенно неощутимъ.

Хотя способъ составленія магнитныхъ картъ и очень разнообразенъ, но всѣ карты тождественны въ одномъ—а именно: магнитные полюсы на всѣхъ являются основными точками отправленія и потому ясно, что магнитныя наблюденія, производимыя въ этихъ пунктахъ или въ непосредственной близости отъ нихъ, представляютъ громаднѣйшій интересъ для науки о земномъ магнетизмѣ. Теорія Гауса далеко не разрѣшаетъ всѣхъ проблемъ, связанныхъ съ явленіями земнаго магнетизма, но постоянными усиліями въ собираніи ясныхъ и заслуживающихъ довѣрія наблюденій задачи эти становятся все менѣе трудноразрѣшимыми.

Работы по магнетизму экспедиціи Gjöa и преслѣдуютъ именно эту цѣль. Задача была не изъ легкихъ. То обстоятельство, что горизонтальное напряженіе, вблизи полюса становится почти безконечно малымъ, вызываетъ необходимость принятія исключительныхъ мѣръ предосторожности для вычисленія какъ самой этой силы, такъ и склоненія магнита.

Все снаряженіе инструментами экспедиціи производилось, имѣя въ виду эту цѣль. Магниты, четырнадцать числомъ, были съ большою тщательностью подысканы въ Потсдамѣ незадолго до нашего отправленія. Наклоненіе мы опредѣляли при помощи 3-хъ инклинаторовъ различныхъ системъ, а для склоненій у насъ были два различныхъ прибора.

Кромѣ того мы имѣли съ собой самопишущіе приборы для измѣренія склоненій; а именно три прибора, разъ навсегда, установленные въ темной комнатѣ, каждый снабженный небольшою магнитною стрѣлкой изъ которыхъ два были подвѣшены на тончайшей ниткѣ изъ кварца, а третья на такомъ идеальномъ штативѣ, что первая стрѣлка показывала склоненіе, вторая горизонтальное напряженіе, а 3-ья наклоненіе въ малѣйшихъ его измѣненіяхъ. Каждая стрѣлка отражалась въ зеркальцѣ, а отраженіе послѣдняго падало на покрытый чувствительной фотографической бумагой барабанъ, который при помощи часового механизма дѣлалъ полный оборотъ въ теченіе однихъ сутокъ. Отраженіе всѣхъ 3-хъ стрѣлокъ падало на барабанъ, и на различной высотѣ отмѣчалось небольшими черными точками; но при вращеніи барабана точки эти вытягивались въ непрерывныя темныя линіи. Такимъ образомъ по истеченіи 24 часовъ на бумагѣ получались три темныхъ пересѣкающихся между собой линіи.

Изъ всего сказаннаго понятно, что нельзя было избрать самый полюсъ мѣстомъ для наблюденія, еслибы даже мы знали заранѣе точное его мѣстонахожденіе и могли бы предположить, что онъ не измѣнитъ своего положенія. Вслѣдствіе этого, по совѣту профессора Адольфа Шмидта, я рѣшился установить главную базу наблюденій надъ склоненіемъ на такомъ разстояніи отъ полюса, гдѣ наклоненіе достигало бы угла приблизительно въ 89° . Этому требованію вполне отвѣчала Gjöðahavn, которая такимъ образомъ стала нашей главной квартирой. Мы постоянно отправлялись въ смежныя съ нашимъ райономъ мѣстности до Боотіи Феликсъ ввѣлчительно, гдѣ, при помощи наблюденій надъ склоненіями, мнѣ удалось установить вѣдъ всякаго сомнѣнія, что магнитный полюсъ не имѣетъ постояннаго мѣстонахожденія и что онъ вѣроятно постоянно перемѣщается, т.-е. то, что предполагалось за послѣднее время на основаніи теоретическихъ соображеній. О томъ, какимъ образомъ проходитъ это перемѣщеніе, то на

этотъ вопросъ дастъ отвѣтъ тотъ значительный матеріалъ, собранный нами при помощи наблюденій, который въ настоящее время находится въ обработкѣ.

Магнитныя наблюденія производились непрерывно въ теченіе 19 мѣсяцевъ. Метеорологическія наблюденія производились тоже въ теченіе всего этого времени.

Профессоръ Монъ (Prof. Mohn) снабдилъ экспедицію полнымъ наборомъ метеорологическихъ инструментовъ и вмѣнилъ себѣ въ обязанность наблюсти за тѣмъ, чтобы метеорологъ нашей экспедиціи былъ бы снабженъ самыми обстоятельными инструкціями. Метеорологъ докторъ Аксель Стеенъ (D-r Aksel Steen) былъ моимъ совѣтчикомъ на родинѣ, до отправленія экспедиціи, и не мало цѣнныхъ указаній получилъ я отъ него. Снаряженіемъ по части астрономическихъ инструментовъ мы обязаны, главнымъ образомъ, профессору Геельмьюдену (Prof. Geelmuyden).

Эскимосы приходили къ намъ и уходили, когда имъ только вздумается, и въ очень скоромъ времени они стали чувствовать себя у насъ, какъ дома.

Съ приближеніемъ Рождественскихъ праздниковъ они всѣ скрылись, исключая одного старика по имени Тераіу (Teraiu), его жены Кайджогголо (Kaijoggolo) и маленькаго ихъ сына Нутара (Nutara). Они прожили съ нами все время самыхъ большихъ холодовъ, когда остальная часть ихъ племени отправилась на западъ охотиться на тюленей.

Рождество быстро приближалось, и мы были поглощены безчисленными приготовленіями къ праздникамъ. Дни становились короче и холодъ ощутительнѣе. Затѣмъ наступилъ сочельникъ—первый, проведенный нами на Gjøa.

Погода была великолѣпная, абсолютно тихая; снѣга ослѣпительно сверкали. Термометръ показывалъ—40° по Фаренгейту (—40° Ц). Какая встрѣча Рождества! Казалось, само небо присылало намъ свой привѣтъ.

Самое великолѣпное изъ всѣхъ когда-либо видѣнныхъ нами сѣверныхъ сіяній освѣтило собой все небо быстро перебѣгавшими по нему лучами. Они протянулись отъ горизонта до самаго зенита и, казалось, стремились догнать одинъ другого, каждый думая быть первымъ въ этомъ состязаніи. И вдругъ, точно по сигналу всѣ они сливаются вмѣстѣ, образуя очаровательную, граціозно извивающуюся ленту. Тревожные пе-

Общественный музей, № 108

редъ тѣмъ они теперь словно нашли себѣ покой. Но не скрываютъ ли они иного замысла? Лента вдругъ разрывается на тысячу частей, и снова образовавшіеся лучи возобновляютъ свою бѣшеную гонку. Трудно предугадать, что послѣдуетъ дальше. Не изберутъ ли они теперь зенитъ главной ареной своего движенія? Такъ и есть! Вдругъ, словно по волшебству, въ самомъ зенитѣ образуется, вся струящаяся въ лучахъ, корона.

Проходятъ Рождественскіе праздники, наступаетъ Новый Годъ. Продолжительные праздники начинаютъ становиться въ тягость, и мы съ удовольствіемъ привимаемся вновь за работу.

Въ первомъ номерѣ нашей программы стоитъ снаряженіе моей экспедиціи на саняхъ къ магнитному полюсу.

По первоначальному плану я долженъ былъ взять съ собой лишь одного спутника и запасъ провизіи на три мѣсяца; сверхъ того долженъ былъ быть снаряженъ вспомогательный отрядъ изъ двухъ человекъ съ лейтенантомъ Гансеномъ во главѣ. Такимъ образомъ четверо изъ насъ должны были къ опредѣленному сроку быть въ полной готовности. Всѣ сходились во мнѣніи, что мѣховая одежда эскимосовъ была самымъ подходящимъ костюмомъ для здѣшняго климата. Поэтому мы заблаговременно вымѣняли у эскимосовъ требуемыя одѣянія изъ самой легкой и лучшей по качеству кожи сѣвернаго оленя. Сдѣланныя нами нѣкоторыя испытанія привели насъ также къ убѣжденію, что снѣжные шалаши несравненно лучше палатокъ, при температурѣ ниже — 22° по Фаренгейту (— 30° Ц.).

Въ виду этого я организовалъ строительные классы со старымъ эскимосомъ Тараіу, продолжавшаго съ нами жить, въ качествѣ руководителя. Мы всѣ четверо работали вмѣстѣ и каждый день воздвигали по одному шалашу. По очереди одинъ изъ насъ руководилъ постройкой, а остальные дѣлали черную работу. Старый Тараіу не могъ постичь, къ чему намъ понадобилась такая масса построекъ и, качая задумчиво головой, думалъ вѣроятно, что мы всѣ немного спятили.

Иногда онъ демонстративно выбрасывалъ впередъ руки, какъ бы указывая на невѣроятное количество воздвигнутыхъ нами шалашей и при этомъ восклицалъ: „Иглу амичжуи—амичжуи—амичжуи (Iglu amichjui), что значитъ „но вѣдь этимъ домамъ нѣтъ конца“. Но, благодаря этому мы достигли того, чего хотѣли; мы научились искусно строить снѣжные шалаши.

29 февраля мы вывезли наши сани на гребень возвышенности съ тѣмъ, чтобы на слѣдующее утро быть готовыми къ выступленію. День, въ который мы выступили, выдался ясный и тихій; правда, морозъ былъ изрядный: -64° по Фаренгейту (-53° Ц.).

Въ однѣ сани было впряжено семь, большею частью, молодыхъ собакъ, такъ какъ остальныхъ мы потеряли въ теченіе зимы отъ той или иной таинственной болѣзни; другія сани тащили три эскимоса. Мы съ трудомъ подвигались впередъ; сани шли не важно, такъ какъ снѣгъ въ такіе сильные морозы становился, какъ песокъ. При страшныхъ усиліяхъ мы въ первый день сдѣлали 4 мили. Прежде чѣмъ отдохнуть, мы должны были выстроить себѣ шалашъ. Благодаря нашей строительной практикѣ, мы легко справились съ этой задачей и окончили нашу работу въ какіе-нибудь полтора часа. Температура, упавшая до -70° Фар. (-57° Ц.) не поощряла насъ оставаться подъ открытымъ небомъ дольше, чѣмъ то было необходимо. Поэтому, какъ только мы достроили шалашъ, мы тотчасъ же въ него забрались и заложили входное отверстіе большой глыбой снѣга, сейчасъ же затопили нашу походную кухню, и въ скоромъ времени въ нашемъ снѣжномъ домикѣ стало уютно и тепло. Несмотря на страшно низкую температуру около -77° Ф. (-62° Ц.), самую низкую, какую намъ пришлось наблюдать, мы во всѣхъ отношеніяхъ провели очень пріятную ночь. На слѣдующій день при неимовѣрныхъ усиліяхъ въ теченіе цѣлаго дня намъ удалось сдѣлать всего $3\frac{1}{2}$ мили. Я убѣдился въ томъ, что продолжать при такихъ условіяхъ путь немислимо и потому рѣшился, устроивъ на томъ мѣстѣ, куда мы добрались, складъ вещей, вернуться къ нашему судну и выждать тамъ болѣе теплаго времени.

16 марта я снова сдѣлалъ попытку продвинуть нашъ складъ нѣсколько впередъ. Въ этотъ именно переѣздъ мы впервые встрѣтились съ эскимосами племени Нечжилли, причемъ мы отправились съ ними къ ихъ снѣжному поселку, раскинутому на горномъ кряжѣ вдоль пролива Ре (Rae). Первая наша встрѣча съ этимъ племенемъ была во всѣхъ отношеніяхъ сердечной и дружеской. Ихъ лагерь состоялъ изъ шестнадцати снѣжныхъ шалашей съ населеніемъ около ста человѣкъ. По наружности и одеждѣ они походили совершенно на нашихъ прежнихъ друзей Оглули.

Когда я со своимъ спутникомъ приступили-было къ постройкѣ шалаша, они дали намъ понять, что желаютъ намъ помочь. Мы охотно предоставили имъ всю работу и въ какіе нибудь полчаса нашъ домикъ былъ совершенно готовъ. На другое утро случился маленькій эпизодъ, ясно указывающій на то уваженіе, какимъ проникнуты эти дикари къ бѣлымъ. Отъ нашихъ прежнихъ друзей Оглули мы заучили слово „мики (miki)“—собака. Такъ какъ всѣ наши псы были молодые и мало пригодные къ дѣлу, я попросилъ одного изъ нашихъ новыхъ друзей, по имени Атикклеура (Attikleura), оказавшагося предводителемъ этого племени, одолжить мнѣ своихъ собакъ на другой день. Онъ призадумался, потомъ взглянулъ на меня, сially улыбнуться, но не далъ мнѣ отвѣта. Но я стоялъ на своемъ и повторилъ мою просьбу. Онъ кивнулъ мнѣ головой, и я уже больше не возвращался къ этому вопросу, считая его рѣшеннымъ. Когда на слѣдующее утро я сталъ выходить изъ шалаша, я увидалъ возлѣ моихъ дверей маленькаго сына Атикклеура. Я не обратилъ на него особеннаго вниманія, но отправился къ хижинѣ его отца спросить, что стало съ собаками. Понятно, что при этомъ я употреблялъ заученное мною слово „мики“. Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и далъ мнѣ понять, что его „мики“ у меня. Такъ какъ я сталъ положительно это отрицать, онъ знаками попросилъ меня выйти съ нимъ. Онъ направился прямо къ своему сынишкѣ и, показывая мнѣ на него, сказалъ: „Она микага (Она mikaга)“, что означало: „вотъ мой мальчикъ“. Теперь все мнѣ стало понятно. Слово „мики“ у этого племени означало „дитя“, а не собака. Такъ великъ былъ тогда ихъ страхъ къ намъ, что онъ безъ колебаній отдалъ мнѣ своего сына. Я объяснилъ тогда ему свою ошибку, и все окончилось дружнымъ смѣхомъ съ обѣихъ сторонъ.

Послѣ двухдневнаго пути намъ попался на островѣ Матти (Matty) небольшой лагерь, состоявшій изъ 6-ти шалашей. Обитатели ихъ принадлежали къ какому-то племени Ичжуачторвикъ (Ichjuachtorvik), какъ они себя называли, съ восточнаго берега Боотии Феликсъ около того мѣста, гдѣ Россъ зимовалъ на своемъ Victory. Эти люди произвели на меня очень невыгодное впечатлѣніе, и я вечеромъ сказалъ моему спутнику, что намъ слѣдовало бы покрѣпче привязать къ саямъ вещи, оставивъ возлѣ нихъ на ночь собакъ. Утромъ,

когда время было тронуться въ путь, мы замѣтили пропажу пилы, топора и ножа. Я далъ эскимосамъ понять, что они должны вернуть недостававшія вещи, но тѣ сдѣлали видъ, будто были не причастны къ этому дѣлу. Я тщетно повторилъ свое требованіе три раза; мнѣ наконецъ это надоѣло, и я вынулъ одну изъ винтовокъ. Я объяснилъ имъ, насколько мнѣ позволяло умѣніе, что воры мнѣ извѣстны и что я ихъ пристрѣлю, если вещи не будутъ возвращены. Мы тотчасъ же получили свои вещи назадъ. Я не рѣшался устраивать склада въ мѣстности, гдѣ проживали эти грабители, а потому повернулъ обратно и ввѣрилъ все, чтѣ было нужно, присмотру новыхъ нашихъ друзей Нечжилли'евъ; я ни разу не былъ обманутъ въ довѣріи, которое имъ оказывалъ; они были тѣмъ, чѣмъ намъ казались съ первой минуты нашей встрѣчи, а именно, безупречно честными. Цѣлая толпа ихъ сопровождала насъ, когда мы возвращались на Gjøa, прогостивъ у нихъ нѣсколько дней.

6 апрѣля я тронулся въ путь съ сержантомъ Педеръ Ристведт'омъ съ цѣлю произвести магнитныя изысканія въ близости отъ полюса. Мы снарядились на 3 мѣсяца, но нашимъ 9-ти собакамъ не подъ силу была тяжесть сильно нагруженныхъ саней. Къ намъ присоединились два эскимоса, которые отправлялись ловить тюленей. Былъ дивный день, и, какъ это на взглядъ ни странно, при температурѣ въ -22° Ф. (30° Ц.), но день казался совсѣмъ лѣтнимъ. Мы, разумѣется, привыкли къ гораздо болѣе низкой температурѣ въ теченіе двухъ предшествовавшихъ мѣсяцевъ, когда въ февралѣ средняя температура была около -45° Ф. (43° Ц.). Вотъ причина, почему мы такъ потѣли, словно въ тропикахъ, въ этотъ день при -30° Ц. Одну за другимъ скидывали мы съ себя принадлежности нашего туалета, пока стыдливость не заставила насъ остановиться. Эта поѣздка на саняхъ была не изъ очень удачныхъ. Поврежденіе ноги, которое я себѣ причинилъ, заставила меня пролежать цѣлую недѣлю въ своемъ мѣшкѣ. Я былъ вознагражденъ тѣмъ, однако, что мнѣ удалось приблизиться къ полюсу настолько, насколько это было необходимо. Мы должны были зарыть въ яму однѣ сани и мѣсячный запасъ провизіи съ тѣмъ, чтобы ускорить наше движеніе. По несчастію это было по близости охотничьяго района Ичжуачторвик'овъ. Когда мы вернулись за вещами, все, за исключе-

ніемъ десяти фунтовъ сушеннаго мяса (remmican), было своровано. Вслѣдствіе этого мы принуждены были вернуться домой по истеченіи лишь двухъ мѣсяцевъ.

Въ началѣ іюня къ нашему судну стали приходить эскимосы въ большомъ числѣ, чтобы продать намъ ворвань и тюленью кожу, добытыя ими въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ. Мы расплачивались деревомъ и желѣзомъ. Въ серединѣ іюля большая ихъ часть насъ покинула, чтобы охотиться на оленей и ловить лососей, отправляясь для этого въ разныя стороны. Лѣтомъ 1904 г. лейтенантъ Гансенъ отправился на лодкѣ съ однимъ спутникомъ къ мысу Крозьеру (Cape Crozier), чтобы тамъ заготовить значительный запасъ продуктовъ. Это нужно было для его санной экспедиціи на восточный берегъ Викторіи, задуманной на весну 1905 г. Густавъ Вингъ въ теченіе всего этого времени единолично производилъ работы въ магнитной обсерваторіи; работы эти были прекрасно выполнены. Лѣто было короткое и угрюмое. Судно наше высвободилось изъ льда 22 іюля. Изъ перелетныхъ птицъ мы видѣли лебедей, гусей, гагаръ, утокъ, гагъ и множество маленькихъ птицъ. Бѣлая куропатка появилась въ мартѣ и исчезла въ ноябрѣ. Изъ постоянно обитающихъ тамъ животныхъ встрѣчаются лишь: песецъ, горностай и леммингъ. Растительность богатая, и цѣлыя пространства сплошь покрываются цвѣтами. Водятся бабочки, мухи и другія насѣкомыя не говоря уже о милліардахъ комаровъ. Зима въ этомъ году наступила скорѣе, чѣмъ въ предыдущемъ, и ледъ образовался на недѣлю раньше. Сѣверные олени, которыхъ было множество прошлую осень, въ этомъ году встрѣчались лишь изрѣдка. Вся провизія наша на зиму 1904 г. состояла изъ двадцати оленей, за которыми намъ приходилось охотиться, уходя далеко вглубь страны, тогда какъ въ 1903 г. мы ихъ могли бить въ любомъ числѣ вблизи отъ нашей стоянки. Тѣмъ не менѣе эскимосы, охотившіеся лѣтомъ за сѣвернымъ оленемъ въ Сѣверной Америкѣ, притащили намъ массу оленины, а изъ другихъ мѣстъ мы раздобыли себѣ лососей, трески и кумжи (*s. trutta*), такъ что и для наступающей зимы мы имѣли вполне достаточный запасъ провизіи. Въ серединѣ октября эскимосы вернулись съ лѣтней своей охоты и посѣщали насъ въ большемъ числѣ, но вскорѣ отправились опять на рыбную ловлю до наступленія самыхъ темныхъ зимнихъ дней. Къ Рождеству они снова по-

сѣтили наше судно и уже въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ дарили насъ своимъ обществомъ. 20 ноября насъ посѣтило одно эскимосское семейство совершенно неизвѣстнаго намъ племени. Какъ оказалось они были изъ племени Кинепату (Kineratu) изъ Честерфильд'ской бухты (Chesterfield) около Гудзонова залива. Главу семьи звали Атагала (Atagala). Онъ достаточно владѣлъ англійскимъ языкомъ, чтобы намъ сообщить, что въ ихъ краяхъ теперь стоятъ два большихъ корабля. Онъ согласился за старое маузеровское ружье и 400 патроновъ снести на корабли и обратно почту, для чего надо было сдѣлать 1500 миль. На слѣдующій годъ 20 мая въ нашу бухту вкатились сани, запряженные десятью собаками. Это былъ Атагала. Онъ привезъ намъ почту съ Arctic'a, корабля принадлежащаго Канадскому правительству, зимовавшаго у мыса Фуллертонъ въ Гудзоновомъ заливѣ. Этотъ корабль, носившій прежде названіе Gauss, былъ построенъ Германской Южно-Полярной Экспедиціей, но теперь его задачей было высмотрѣть и избрать подходящіе пункты для расположенія небольшихъ гарнизоновъ. Маіоръ Муди (Moodie) былъ во главѣ экспедиціи, а судномъ командовалъ капитанъ Бернье (Bernier). Американское китобойное судно Ega зимовалъ въ томъ же мѣстѣ. Капитанъ Комеръ (Comer), командиръ Эры, и маіоръ Муди прислали мнѣ десять собакъ для саней, такъ какъ въ письмѣ къ первому я извѣщалъ ихъ о томъ, что большинство нашихъ собакъ околѣло за зиму.

Въ теченіе семнадцати мѣсяцевъ сношеній съ эскимосами Нечжилли, мы до такой степени съ ними сблизились, что они мало-по-малу совершенно потеряли къ намъ недовѣріе, обыкновенно проявляемое ко всѣмъ иностранцамъ. Однако, намъ все-таки не удалось вполне овладѣть ихъ языкомъ и потому мы не могли вполне уяснить себѣ всѣхъ особенностей ихъ быта. Все, что я имѣю сообщить о нихъ, основано однако на очень тщательныхъ наблюденіяхъ и на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ намъ самими эскимосами, а потому я полагаю, что мое описаніе одного изъ наиболѣе интереснаго и менѣе всѣхъ извѣстнаго въ мірѣ племени вполне точно. Что придаетъ особую цѣнность моему изслѣдованію, это — богатая коллекція прекрасныхъ фотографическихъ снимковъ, снятыхъ лейтенантомъ Гансеномъ въ теченіе нашего пребыванія въ тѣхъ краяхъ.

Нечжилліями, откуда эти эскимосы считают себя родомъ зовутся берега большого Виллерстедскаго озера (Willersted) на Боотійскомъ перешейкѣ, а также маленькой рѣчки, вытекающей изъ этого озера въ море. Къ сожалѣнію, у насъ не было времени навѣстить ихъ тамъ, но изъ часто повторяемыхъ ими описаній я себѣ составилъ ясное представленіе объ этой странѣ и о ихъ образѣ жизни. Они живутъ тамъ съ іюня или іюля мѣсяца, т.-е. съ того времени, когда вскрывается ледъ, вплоть до января или февраля слѣдующаго года: лѣтомъ въ палаткахъ, а во время выпада снѣговъ въ своихъ снѣжныхъ шалахахъ. Часто въ теченіе переходнаго времени, съ зимы къ лѣту и наоборотъ, имъ приходится видоизмѣнять типъ построекъ: въ іюнѣ, когда снѣгъ сильно подтаеетъ, они пользуются имъ только для возведенія стѣнъ; крышей же служить кожа; въ сентябрѣ часто сильные морозы наступаютъ до снѣга и озера затягиваются льдомъ; тогда имъ приходится строиться изъ льда, причемъ для крыши употребляютъ ту же кожу.

Когда эскимось приступаетъ къ постройкѣ своего снѣжнаго домика, онъ прежде всего пользуется своимъ „хервонд’омъ“ (hervond); такъ называется простая палка, сдѣланная изъ выпрямленнаго отростка оленьяго рога. Нижній конецъ палки скрѣпленъ кольцомъ изъ кости мускуснаго быка, къ верхнему же концу придѣлана ручка изъ оленьяго рога. Вся палка длиною около ярда. Своимъ привычнымъ глазомъ онъ высматриваетъ мѣстность и втыкаетъ свой „хервондъ“ въ снѣгъ въ облюбованномъ имъ мѣстѣ. Дѣлается это для того, чтобы опредѣлить качество снѣга. Эскимосу также важно имѣть хорошій снѣгъ, какъ каменщику извѣсть для его кирпича. Нуженъ большой опытъ для подобной оцѣнки, и если эскимось не одинъ, то задачу эту выполняетъ обыкновенно старшій изъ нихъ. Хорошій снѣгъ долженъ быть крѣпкимъ и плотнымъ и покрыть слоемъ рыхлаго снѣга въ футъ приблизительно толщиною; не годится также и чрезмѣрно крѣпкій снѣгъ, такъ какъ тогда трудно будетъ вырѣзать изъ него куски. Разъ мѣсто найдено, тотчасъ же его расчищаютъ отъ рыхлаго слоя и при помощи ножа обыкновенно съ длиннымъ лезвіемъ и длинной рукояткой начинаютъ изъ твердаго слоя вырѣзать большіе куски и изъ нихъ возводить постройку. Постройку начинаютъ изнутри и куски берутся только съ

этого мѣста; очень рѣдко пользуется эскимось снѣгомъ, взятымъ снаружи. Куски вырѣзаются съ высокимъ краемъ, почему на небольшой сравнительно площади хватаетъ снѣга на всю постройку. Шалашъ выводится спирально, каждый послѣдующій рядъ, выступая нѣсколько надъ предыдущимъ; получается такимъ образомъ нѣчто въ родѣ громаднаго улья. Труднѣе всего для насъ было выводить крышу. Каждый кусокъ, сильно выдвинутый впередъ, еле держится на своемъ основаніи. Но эскимосы созданы для этой работы. Какъ бы кусокъ ими ни былъ положенъ, хотя бы образуя съ горизонтомъ уголъ въ 45^0 , онъ не сдвинется съ мѣста. Постройка вѣнчается небольшимъ снѣжнымъ замкомъ, которымъ искусно закладывается верхушка крыши. По окончаніи постройки внутри остается еще много неиспользованнаго снѣга. Изъ него дѣлаются нары и очагъ. Хозяйка, оставаясь снаружи, тоже не остается безъ дѣла. Сброшеннымъ съ мѣста постройки рыхлымъ снѣгомъ она конопатитъ всѣ щели и трещины, и если этого снѣга хватаетъ, то покрываетъ имъ всю постройку, чѣмъ достигается большая теплота и уничтожаются сквозняки. Когда постройка окончена изнутри, то на высотѣ наръ вырѣзается въ стѣнѣ отверстіе. Изъ него эскимось выходитъ, а жена заступаетъ его мѣсто. Прежде всего она покрываетъ нары не пропускающей воду кожей каяка, поверхъ кладетъ большіе куски мягкой и теплой оленьей кожи; затѣмъ размѣщаетъ остальные предметы хозяйства, какъ-то: кухонную посуду, ворвань для лампы и множество другихъ предметовъ, безъ которыхъ не обходится эскимось. Когда все это приведено въ порядокъ, тогда шалашъ наглухо снова задѣлывается съ хозяйкой дома вмѣстѣ; что, спрашивается, дѣлаетъ эта замурованная особа? Не будетъ ли съ моей стороны нескромностью, если я постараюсь заглянуть внутрь. Къ тому же мною руководитъ не простое любопытство. Итакъ при помощи оказавшагося при мнѣ батожка, употребляемаго при ходьбѣ на лыжахъ, я продѣлываю отверстіе въ стѣнѣ и такимъ образомъ раскрываю сокрытую за нею тайну.

Прежде всего она устанавливаетъ лампу и разводитъ огонь. Затѣмъ, чтобы утолить жажду своего супруга, она накладываетъ въ котелокъ снѣгу и распускаетъ его надъ огнемъ. Когда она убѣждается въ томъ, что лампа даетъ достаточно свѣта, она обращаетъ свои заботы къ другимъ предметамъ:

выравниваетъ и расправляетъ койки, тщательно укладываетъ оленью кожу и всему придаетъ по возможности уютный видъ. Когда все готово, она садится у огня и озабочена главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы огонь былъ по возможности ярокъ и давалъ больше тепла. Теперь понятно, почему она себя замуровала; только этимъ путемъ можно вполне нагрѣть хижину и, подтаивъ снѣжные куски изнутри, образовать одну сплошную, ледяную стѣну. Но при томъ условіи, что черезъ продѣланное мною отверстіе поддерживается притокъ свѣжаго воздуха, ей всего этого не достичь; поэтому я задѣлываю дыру и ухожу во-свояси. Между тѣмъ, ея мужъ устроилъ проходъ, ведущій къ ихъ хижинѣ, длиной 9×12 фут. Но онъ не пробиваетъ входа въ хижину, ожидая для того упомощія со стороны хозяйки. Пока что, онъ развлекается съ своими пріятелями, которые находятся въ одинаковомъ съ нимъ положеніи и время уходитъ въ шуткахъ и разговорахъ. Это въ общемъ видныя мужчины отъ 5 ф. 9 дм. до 6 ф. ростомъ, хотя попадаются иногда и низкорослые. Сложеніе ихъ мощное; образъ жизни способствуетъ ихъ всестороннему физическому развитію. Но вотъ раздались проникающіе сквозь стѣнны голоса женщинъ, и мужья заканчиваютъ постройку, продѣлывая отверстіе изъ прохода въ хижину.

Теперь посѣтимъ одинъ изъ этихъ лагерей и посмотримъ, какая здѣсь жизнь тотчасъ послѣ сооруженія новаго поселка. Хижины различной высоты. Одни любятъ ихъ высокими, другіе низкими. Окружность ихъ отъ 30 до 45 футовъ въ зависимости отъ размѣровъ семьи. Январь — на дворѣ лютый морозъ. Они поэтому живутъ по двѣ семьи вмѣстѣ, ради большаго тепла. Члены семьи только-что собрались послѣ окончанія постройки и сдѣланнаго ими передъ тѣмъ длиннаго дневного перехода въ саняхъ. Хозяйка дома сидитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ и напѣваетъ свою однообразную пѣсню, состоящую изъ четырехъ словъ и столькихъ же нотъ, повторяемыхъ ею на всѣ лады. Эти звуки, когда они повторяются достаточно часто, становятся невыносимо монотонными. О томъ, чтобы попросить ихъ перестать — не можетъ быть и рѣчи; но мы изобрѣтаемъ другое, болѣе дѣйствительное средство, а именно одновременно съ ними устраиваемъ свой собственный концертъ. Послѣ этого водворяется тишина, такъ какъ наша богатая тонами мелодія производитъ, безъ сомнѣнія, на нихъ

такое же удручающее впечатлѣніе, какъ ихъ музыка на насъ. Это разумѣется не очень деликатно съ нашей стороны, особенно во время перваго нашего визита, но они тѣмъ не менѣе не обижаются.

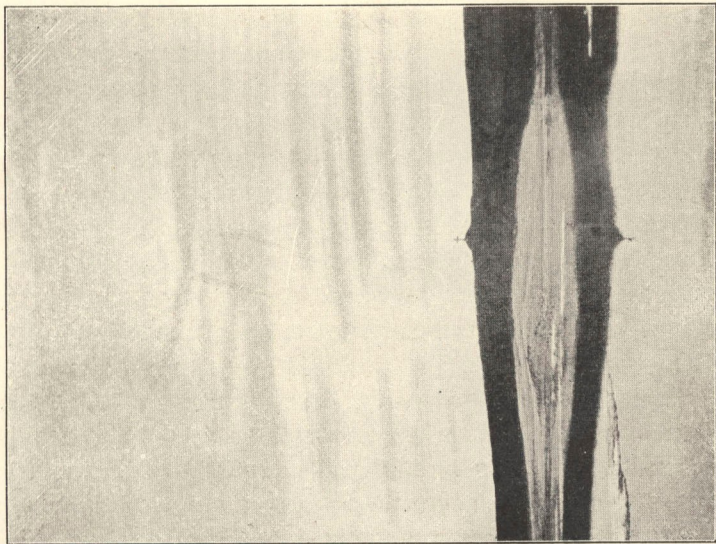
Войдя въ хижину, эскимось прежде всего снимаетъ свое верхнее платье и выколачиваетъ отъ снѣга весь свой костюмъ; онъ дѣлаетъ это настолько быстро, чтобы снѣгъ не успѣлъ растаять и тѣмъ не смочилъ бы его платья. Если онъ предполагаетъ не выходить весь вечеръ, тогда онъ снимаетъ и остальную часть своего верхняго одѣянія. Если какая-нибудь принадлежность туалета оказалась промокнувшей за день, то онъ швыряетъ ее своей женѣ, и та высушиваетъ ее на огнѣ. Теперь нужно утолить его голодъ; самые вкусные куски мяса и рыбы предлагаются его вниманію; все это, разумѣется, замороженное какъ камень; но на это послѣднее обстоятельство эскимось не обращаетъ вниманія; разъ куски проглочены, они быстро оттаиваютъ; и незамѣтно исчезаютъ въ невѣроятномъ количествѣ. Ножъ—это единственный при этомъ инструментъ, но имъ управляютъ они съ удивительной ловкостью. Держа лѣвой рукой и зубами кусокъ мяса, они съ быстротою молніи орудуютъ ножомъ подъ самымъ носомъ и при этомъ отрѣзаютъ себѣ кусокъ такъ близкъ къ губамъ, что только чудомъ послѣднія остаются цѣлы. То же самое продѣлывается и съ большимъ кускомъ сала.

Вслѣдъ за этой обильной трапезой они заваливаются спать, причемъ входъ въ шалапъ тщательно закладывается обрубкомъ изъ снѣга. Раздѣвшись донага и укрывшись оленьими кожами, служащими имъ общимъ покрываломъ, они засыпаютъ сномъ праведныхъ, просыпая часто до поздняго часа слѣдующаго дня. Это случается тогда, когда у нихъ бываетъ достаточно пищи. Если предполагается прожить нѣкоторое время, то надъ входомъ устраивается окно изъ куска льда, вырѣзаннаго изъ ближайшей промерзшей лужи прѣсной воды. Хозяйка можетъ тогда при дневномъ свѣтѣ выполнять свою работу. Заботъ у нея достаточно. Поджавъ подъ себя ноги, сидитъ она на воемъ обычномъ мѣстѣ у огня, наблюдая за пламенемъ и за своими ребятишками, которые, рѣзвясь, поминутно вбѣгаютъ и выбѣгаютъ изъ шалапа. Она улыбается и имѣетъ видъ вполне счастливаго созданія. Вѣроятно это тѣ двѣ рожицы, вымазанныя въ сажу и ворвань, что наводятъ

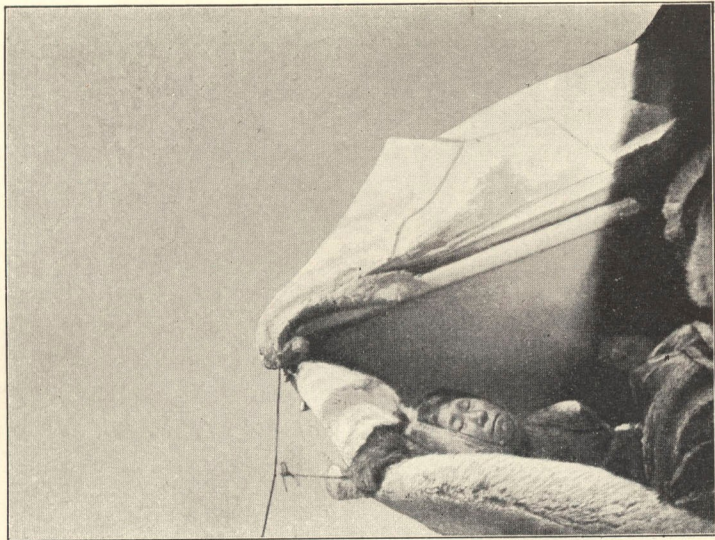
ее на пріятныя размышленія. Только недавно еще меньшей оставилъ свой мѣшокъ, въ которыхъ дѣти носятъ до двухлѣтняго возраста. Понемногу игра становится болѣе вялой, и младшій изъ двухъ подходитъ къ матери и вопросительно заглядываетъ ей въ глаза. Она знаетъ, что нужно ея мальчику. Здѣсь не такъ скоро отнимаютъ ребятъ отъ груди, и материнское молоко имъ по вкусу еще долго послѣ того, какъ они научаются ходить. Я видѣлъ даже десятилѣтнихъ мальчиковъ, оставлявшихъ лукъ и стрѣлы для того, чтобы принять участіе въ этой трапезѣ.

Но вотъ приходитъ пріятельница сосѣдка; она пришла покоротать время; вѣроятно ей наскучило у себя въ шалашѣ. Это Ало-Ало (Alo-Alo), молодая привлекательная женщина; сильный морозъ зарумянилъ ея щеки; красивые каріе глаза съ синеватыми бѣлками хорошо умѣютъ скрывать то, что имъ нужно. Изъ мѣшка, который она принесла съ собой выглядываетъ удивленное личико; это ея годовалый сынокъ „Акля“ (Akla) или бурый медвѣдь. Разговоръ очень скоро становится оживленнымъ; обѣ женщины повидимому имѣютъ много, что сообщить другъ другу. Вдругъ младенецъ въ мѣшкѣ начинаетъ копошиться и съ невѣроятной быстротой и ни съ чѣмъ несравнимой ловкостью онъ изъ мѣшка перелѣзаетъ къ матери на грудь. Удовлетвореннаго въ своихъ желаніяхъ его ужъ собираются снова класть въ теплое, уютное гнѣздышко, какъ вдругъ мать его замѣчаетъ, что онъ болѣе обыкновеннаго грязенъ. Примѣняется при этомъ способъ омовенія очень практичный, когда вода является предметомъ роскоши. Мать начисто вылизываетъ своего младенца, послѣ чего кладетъ его обратно въ мѣшокъ. Если день выдался ясный, то мужчины всѣ уже ушли на ледъ ловить тюленей и только въ сумерки возвратятся назадъ. Рѣдко приходятъ они съ пустыми руками, но обыкновенно приносятъ съ собой одного или двухъ тюленей, которыхъ затѣмъ передаютъ хозяйкѣ, и ея уже дѣло распределить добычу между всѣми членами семьи. Внутренности, которыя считаются у нихъ самымъ лакомымъ блюдомъ, достаются тому, кто принесъ тюленя; остальное дѣлится между всѣми. Послѣ ужина въ темные, длинные зимніе вечера они не прочь иногда повеселиться. Собравшись вмѣстѣ въ самомъ помѣстительномъ шалашѣ, они поютъ и пляшутъ. Шалашъ эскимоса, нерѣдко, весьма приличное сооруженіе, достигаю-

„ІЗВѢСТІЯ“ И. Р. Г. О. 1907 г.
т. XIII (къ статья Р. Дмундсена; „Къ сѣв.
магнитн. полюсу и черезъ сѣв.-зап. проходъ“).

фот. 5. Могила Віка.

фот. 4. Эскимоска племени Нечжилли.

щее, какъ мнѣ приходилось видѣть, четырнадцати футовъ высоты и двадцати-пяти въ діаметрѣ. На этихъ вечеринкахъ женщины садятся въ кругъ и затягиваютъ свою заунывную пѣсню, а мужчины, выходя поочередно на середину, выдѣлываютъ какое-то solo, ударяя въ самодѣльные бубны и выкрикивая при этомъ самымъ устрашающимъ образомъ. Но больше всего меня поражало женское пѣніе. Я всегда думалъ, что всѣ ихъ мотивы или, вѣрнѣе, варіаціи на однѣ и тѣже пять повторяющихся нотъ были плодомъ минутнаго вдохновенія, но здѣсь я долженъ былъ убѣдиться, что это были настоящія пѣсни, такъ какъ мнѣ приходилось иногда слышать на этихъ собраніяхъ до двадцати вмѣстѣ поющихъ женщинъ, причемъ ни одна изъ нихъ не сбивалась въ мелодіи. Способность, по моему мнѣнію, граничащая съ музыкальностью.

Быть можетъ на слѣдующій вечеръ соберутся въ той же палаткѣ, чтобы посмотреть на колдуна. Это очень серьезное дѣло, на которое мы даже не приглашались. Но, прибѣгнувъ къ хитрости, намъ все-таки удалось узнать въ чемъ было дѣло. Въ палаткѣ почти совершенно темно; вспыхиваетъ лишь слабое пламя, при свѣтѣ котораго еще усиливается таинственность обстановки. Колдунъ и его помощникъ (обыкновенно жена колдуна) занимаютъ свои мѣста на нарахъ, а все остальное общество располагается на противоположномъ концѣ шалаша; чародѣи теперь погружены въ абсолютный мракъ; они начинаютъ неистово выть и стараются вселить въ зрителей убѣжденіе, что одинъ убиваетъ другого. Эта комедія длится цѣлыхъ полчаса, пока звуки постепенно не замрутъ и не водворится полная тишина. Тогда прибавляютъ свѣта и, къ повидимому непритворному удивленію всѣхъ присутствующихъ колдунъ показываетъ на два отверстія въ своемъ кафтанѣ (бывшемъ до начала представленія совершенно цѣлымъ)—одно на груди, другое на спинѣ, которыя должны служить неопровержимымъ доказательствомъ того, что во время предшествовавшей бурной сцены его насквозь пронзило копье. Глядя на зрителей, можно было бы думать, что все это принимается ими за чистую монету. Но когда послѣ я сталъ ихъ вышучивать, они стали смѣяться, говоря, что это вздоръ.

Эскимосы рѣдко выражаютъ удивленіе. Вотъ одинъ изъ немногихъ случаевъ, который я припоминаю. Работая надъ магнитными наблюденіями въ 10 миляхъ отъ нашего судна,

я отправилъ туда одного эскимоса съ письмомъ, въ которомъ просилъ мнѣ доставить извѣстное число патроновъ. Когда онъ вернулся на другой день и я, прежде чѣмъ онъ мнѣ вручилъ посылку, сказалъ, сколько и какихъ онъ мнѣ принесъ патроновъ, предложивъ ему самому это провѣрить, онъ былъ очень удивленъ, и сила письменныхъ знаковъ произвела на него большое впечатлѣніе. Они часто въ послѣдствіи забавлялись тѣмъ, что намараютъ что-нибудь карандашемъ на клочкѣ бумаги и даютъ намъ прочесть. Мы дѣлаемъ видъ, что сильно изумлены и читаемъ вслухъ; это ужасно ихъ забавляло. Семейная жизнь у нихъ въ общемъ казалась вполне счастливою, хотя мнѣ были извѣстны случаи, когда мужъ плохо обращался съ своей женой. Вслѣдствіе значительнаго перевѣса въ числѣ мужчинъ надъ женщинами, нерѣдко бывали браки, гдѣ у одной женщины было по два мужа. Обратнаго сочетанія мнѣ не приходилось наблюдать. Какъ общее правило, можно сказать, что мужъ былъ главою дома, а жена слѣпо ему повиновалась, но пожилыя вдовы нерѣдко пользовались большимъ вліяніемъ.

Религіозныя ихъ воззрѣнія подходятъ къ нашимъ въ томъ отношеніи, что у нихъ есть представленіе о добромъ и зломъ существѣ; о наказаніи и воздаяніи за тѣ или иные поступки. Если человѣкъ прожилъ свою жизнь, какъ слѣдуетъ, тогда послѣ смерти онъ переселяется на охотничьи поля Луны; при дурной жизни онъ спускается подъ землю. За все время нашего пребыванія среди нихъ было всего четыре случая рожденія и два—смерти. При чемъ послѣдніе оба—самоубійства; послѣднее не считается грѣхомъ; но прибѣгаютъ къ нему лишь тогда, когда страданія во время болѣзни становятся невыносимыми. Съ собой они поканчиваютъ кажется только ими одними примѣняемыми способами. Внутри шалаша натягивается ремень на два фута отъ пола. Всѣ выходятъ изъ шалаша, оставляя больного одного; впрочемъ чрезъ маленькія отверстія остальные слѣдятъ за тѣмъ, что происходитъ внутри. Больной становится на колѣни и старается задушить себя, прижимаясь горломъ къ натянутому ремню. Если несчастный не въ силахъ самъ съ собой покончить, или если находятъ, что онъ слишкомъ долго возится, тогда кто-нибудь входитъ въ палатку и поканчиваетъ съ нимъ, надавивъ на ремень его голову. Случается у нихъ и драка на кулакахъ; иногда и со

смертнымъ исходомъ. Случилось—это было въ 1904 году—на станціи, одинъ мальчикъ 12 лѣтъ нечаянно застрѣлилъ другаго мальчика 7 лѣтъ. Отецъ убитаго тотчасъ же схватилъ убійцу, который къ тому же былъ его пріемнымъ сыномъ, и вытащивъ его изъ шалаша, закололъ его.

Мертвыхъ они зашиваютъ въ оленью кожу и кладутъ на земь. Нѣсколько предметовъ: лукъ, копье, стрѣлы и еще другіе кладутся возлѣ покойника. Мы, благодаря существованію этого обычая, нашли не мало интересныхъ предметовъ.

2 апрѣля лейтенантъ Гансенъ и сержантъ Рисведтъ отправились въ свою санную поѣздку, чтобы нанести на карту восточный берегъ Земли Викторіи (Victoria Land). Они имѣли съ собой двое саней, 12 собакъ и продовольствія на 70 дней. Все было рассчитано съ самой строгой экономіей, во избѣжаніе лишней тяжести. Однако очень существенно при такихъ продолжительныхъ поѣздкахъ заранѣе все строго взвѣсить, чтобы всего хватило на весь предположенный срокъ. Заготовленный въ предыдущемъ году складъ припасовъ былъ совершенно уничтоженъ медвѣдями, но лейтенантъ Гансенъ и его спутникъ, стрѣляя медвѣдей, тюленей и сѣверныхъ оленей, протянули поѣздку до 84 дней. Получились прекрасные результаты. Восточный берегъ Земли Викторіи былъ нанесенъ ими на карту вплоть до 72-й параллели. Земля, которая была раньше замѣчена докторомъ Ре, оказалась группой, числомъ болѣе ста, маленькихъ, низкихъ островковъ. Ихъ отмѣтили уже на обратномъ пути. Интересное событіе этого путешествія была встрѣча съ другимъ тоже совершенно неизвѣстнымъ племенемъ эскимосовъ: „Киилнерміумъ“ (Kiilnermium Eskimo), охотничьи поля которыхъ простираются на востокъ отъ рѣки Соррегмине (Мѣдныхъ копей). Эти эскимосы, какъ и всѣ раньше перечисленные, были чужды всякой цивилизаціи. Когда наши путешественники вернулись назадъ, въ честь ихъ были выкинута флаги и устроено пиршество.

1 іюня мы разобрали обсерваторію съ самопишущими приборами. Въ теченіе цѣлыхъ 19 мѣсяцевъ Віикъ непрерывно велъ въ ней работы, которыя безъ сомнѣнія дадутъ самые блестящіе результаты.

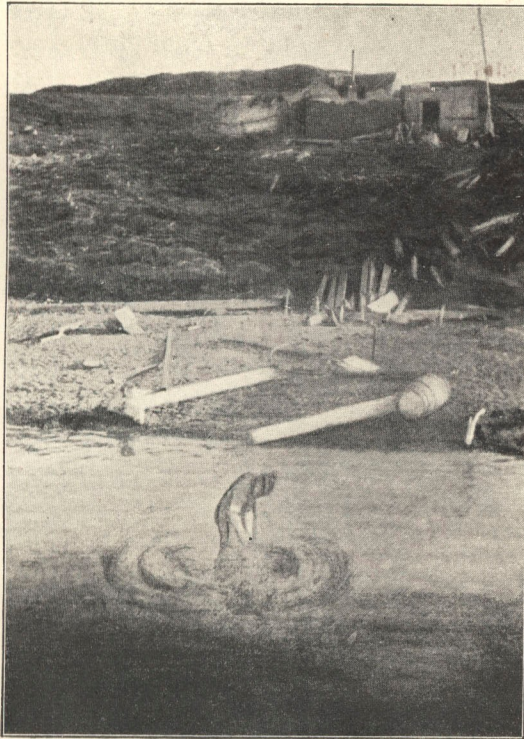
13 августа въ 2 часа утра мы тронулись далѣе на западъ, и мнѣ думается, что въ это утро маленький народецъ съ карими глазами, остававшійся тамъ на томъ берегу, былъ не

такъ весель, какъ обыкновенно. Въ насъ они теряли богатыхъ и великихъ друзей. Они долго намъ махали, и этотъ привѣтъ вѣроятно означалъ прощаніе навсегда. И если когда-нибудь иному путешественнику случится посѣтить эти края, то многочисленныя снѣжные кружки остатки прежнихъ шалашей пусть скажутъ ему о многихъ счастливыхъ дняхъ, которые члены Гойской экспедиціи провели въ сообществѣ этихъ эскимосовъ племени Нечжилли. На другой день мы остановились въ мѣстности, которая на нарѣчій эскимосовъ называется Камиглу (Kamiglu). Здѣсь мы взяли на свое судно эскимосскаго мальчика по имени Манни (Manni). Онъ покоришь всѣ наши сердца своимъ открытымъ характеромъ и своею честностью, и даже поварь, который вообще ненавидѣлъ всѣхъ эскимосовъ, навѣрное питалъ гдѣ-нибудь на днѣ своей души теплое чувство къ этому существу. Это была моя мысль взять его съ собой, чтобы познакомить его съ нашимъ міромъ, совершенно недоступнымъ его воображенію, и отправить его потомъ обратно, если бы онъ того пожелалъ; но онъ—увы! утонулъ около острова Хершеля (Herschel). Идя узкими и мелкими водными путями, мы наконецъ, 21 августа, вошли въ проливы Дельфина (Dolphin strait) и Союза (Union strait). Теперь мы могли вздохнуть свободно! Передъ полднемъ 28 августа мы увидѣли парусное судно. Это былъ пріятный для нашего самолюбія моментъ, когда мы выкинули свой флагъ и приблизились къ американскому кораблю.

3 сентября мы были остановлены льдами у Кингъ-Пойнта (King Point) и вскорѣ послѣ этого насъ застигла третья зима. Но мы тѣмъ не менѣе не унывали. На берегу мы нашли прибитый теченіемъ превосходнаго качества лѣсъ, море кишѣло рыбой, и не надо было далеко ходить, чтобы встрѣтить множество зайцевъ. На берегу, въ нѣсколькихъ саженяхъ впереди насъ, лежало китобойное судно Бонанца (Bonanza). Первымъ дѣломъ мы построили себѣ шалашъ изъ пловучаго лѣса, а затѣмъ поставили свои обсерваторіи. Съ 20 октября до 12 марта я разъѣзжалъ съ экспедиціонной почтой, передавъ команду на Гойѣ лейтенанту Гансену. Эта зима была исключительно сурова и для насъ томительна. По моемъ возвращеніи я нашелъ все въ наилучшемъ порядкѣ; но 26 марта слегъ Віикъ и онъ больше уже не покидалъ своей койки. Онъ умеръ 26-го. Какой тяжелый ударъ лишиться товарища,

фот. 6. Лагерь вблизи магнитнаго полюса.

фот. 7. Кингъ-Пойнтъ.

передъ самымъ возвращеніемъ на родину. Лишь 9 мая могли мы его схоронить, такъ какъ до этого времени нельзя было рыть могилы, до того земля промерзла; его гробъ пока оставался въ нашемъ жилищѣ, дверь котораго мы заколотили. Позднѣе мы поставили на его могилу съ сѣверной стороны большой крестъ съ надписью; а когда зацвѣли цвѣты, то украсили ими могилу. Крестъ этотъ стоитъ на очень видномъ мѣстѣ и будетъ служить ориентировочнымъ пунктомъ для многихъ мимо проходящихъ кораблей.

Наступившая весна была болѣе радостной, чему не мало способствовали постоянно проходившіе мимо насъ эскимосы и бѣлолицыя. 2 іюля мы выбрались изъ льда и стали возлѣ Бонанзы, чтобы избѣгнуть пловучаго льда, двигавшагося взадъ и впередъ подъ самымъ берегомъ.

11 іюля два американскихъ китобойныхъ судна пришли къ нашей стоянкѣ собирать пловучій лѣсъ, и въ тотъ же вечеръ мы уже тронулись въ путь. Мы сказали послѣднее прости нашему товарищу, котораго мы оставляли навсегда, и проходя мимо его могилы, спустили флагъ, воздавая ему послѣднюю почестъ. Уже у острова Хершеля (Herschel) мы, однако, были остановлены льдомъ, который насъ задержалъ на цѣлый мѣсяцъ. Минуя множество узкихъ проходовъ и крутыхъ поворотовъ, мы 30 августа очутились, наконецъ, въ Беринговомъ проливѣ. На другой день мы отправились въ Номѣ (Nome), золотопромышленный городъ въ Аляскѣ. Мы никогда не забудемъ оказаннаго намъ тамъ приѣма и овацій, вызванныхъ нашей экспедиціей.

5 сентября Гѣѡа, подъ командой лейтенанта Гансена, пошла на югъ въ Санъ-Франциско, а я 7-го числа отправился съ магнитными приборами на Ситху (Sitka), чтобы тамъ закончить наши работы. 19 октября мы снова сошлись въ Санъ-Франциско, гдѣ мы передали наше судно американскому флоту. Тамъ теперь находится старая Гѣѡа на покой, въ которомъ она, безъ сомнѣнія, очень нуждается.

Синхартский

Окр.

авг

х:

1888

— 6121 —

Тюменский областной краеведческий музей
Имано-Ненецкий округ
1988